

УДК 355.433.1 (61)

IVAN ALEKSANDROVICH KRASNOSHCHYOKOV

Degree candidate of Federal public autonomous educational institution of higher education «Far Eastern Federal University» (Vladivostok). 675000, Russian Federation, the Amur region, Blagoveshchensk, Ignatyevskoye Highway, 16. Tel.: 8 (4162) 39-61-00, e-mail: boss.buttery@mail.ru

Military-political situation in the Far East of the USSR in anticipation of the Soviet-Japanese War 1945

World War II became the most tragic page in the history of mankind of the XX century. Against the changing geopolitical situation integrated to imposition of economic sanctions and pressure of the West upon Russia the conditions promoting to form of public opinion on review of separate historic facts and realities are created and also to the predominating role of the Soviet Union in the Victory. Today actions of government of a number of the East European countries which were released by Red Army supported by the American emissaries, continue to lead to destruction of the historical monuments established as a token of gratitude to the Soviet soldiers. These measures initiated by the USA are directed to strengthening of the influence in Europe, decrease in line items of the Russian Federation on the international scene and non-admission of recovery of the relations with the countries of the anti-Hitlerite coalition.

The article deals with the situation in the Far East of the USSR at the beginning of the Soviet-Japanese War and also historical experience of preparation of the Soviet military-political government and Red army to defeat of occupational forces of militaristic Japan in 1945.

Keywords: *Soviet-Japanese war of 1945, Far East, soviet-manchurian border, military-political government, occupational forces of Japan.*

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ КРАСНОЩЁКОВ

Соискатель Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточный федеральный университет» (г. Владивосток). 675000, Амурская область, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 16, Тел.: 8 (4162) 39-61-00, e-mail: boss.buttery@mail.ru

Вторая мировая война стала самой трагической страницей в истории человечества XX века. На фоне меняющейся геополитической обстановки, сопряженной с введением экономических санкций и давлением Запада на Россию, создаются условия, способствующие формированию общественного мнения по пересмотру отдельных исторических фактов и реалий, а также главенствующей роли Советского Союза в Победе. Сегодня действия руководства ряда восточноевропейских стран, которые освобождала Красная армия, подкрепленные поддержкой американских эмиссаров, продолжают приводить к уничтожению исторических памятников, установленных в знак благодарности советским воинам. Данные меры, инициированные США, направлены на усиление своего влияния в Европе, снижение позиций РФ на международной арене и недопущение восстановления отношений со странами антигитлеровской коалиции.

В статье анализируется обстановка, сложившаяся на Дальнем Востоке СССР в преддверии Советско-японской войны, а также исторический опыт подготовки советского военно-политического руководства и Красной армии к разгрому оккупационных сил милитаристской Японии в 1945 г.

Ключевые слова: *Советско-японская война 1945 г., Дальний Восток, советско-маньчжурская граница, военно-политическое руководство, оккупационные силы Японии.*

Военно-политическая обстановка на Дальнем Востоке СССР в преддверии Советско-японской войны 1945 г.

Обстановка, сложившаяся на дальневосточной границе СССР к лету 1945 г., являлась следствием ряда событий, произошедших на военно-политической карте Европы с конца 30-х годов XX века. 27 сентября 1940 г. японское правительство подписало в Токио Тройственный пакт с

Германией и Италией, отражавший претензии данных государств на мировое господство. Японская императорская ставка подготовила два варианта развития боевых действий в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР): «северный» – против СССР и «южный» – против США, Англии и их союзников.

Очередность осуществления каждого из них зависела от складывающейся международной ситуации. С началом Второй мировой войны Япония интенсивно готовилась к реализации плана по «северному» сценарию. Считалось, что для успешного наступления японской стороне достаточно было иметь порядка 20 дивизий, которые должны были создать двойное превосходство. Квантунская армия рассматривалась как объединение сухопутных сил, способное успешно решить задачи вторжения на территорию советского Забайкалья и Дальнего Востока. План нападения уточнялся Генеральным штабом Японии ежегодно, но суть его сводилась к одному – оккупации сопредельной территории [1, л. 201].

5 июля 1941 г. правительством Японии был утвержден план «Кантокуэн», предусматривавший сосредоточение у маньчжуро-советской границы «сил вторжения», и уже к августу 1941 г. численность Квантунской армии составляла более 880 тыс. чел. Однако поступавшие от японской разведки данные о высокой боеспособности Советского Союза способствовали отказу императорской ставки от нападения, запланированного на 9 августа 1941 г., и его переносу на лето 1942 г. В июле 1942 г. японским командованием был разработан план действий «Операция № 51», в соответствии с которым ожидалось нанесение двух мощных наступательных ударов в направлении Приморья и Забайкалья. Для этого предусматривалось развертывание в приграничье 30 пехотных дивизий, 1 танковой армии (1 тыс. танков), 2 воздушных армий (1400 самолетов), нескольких пехотных и смешанных бригад при поддержке артиллерии (5,5 тыс. орудий). Однако после ликвидации группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом в начале 1943 г. вера правительства Японии в силу Вермахта была утрачена, и 6 марта 1943 г. японский посол в Берлине генерал Хироси Осимапо по поручению правительства Японии сообщил, что Токио не может вступить в войну с СССР. Вместе с тем возросла активность японской разведки, исследовавшей систему охраны и прикрытия границы для сбора стратегически важной информации о социально-экономическом потенциале и готовности армии к обороне Дальнего Востока. В первую очередь, японские разведустремления были направлены на Приханкайское направление Приморского округа, где, согласно плану нападения, предполагалось начать наступление. Из 273 заданий агентам, задержанным воинами-пограничниками в 1943 г., 152 задания касались разведки советского боевого порядка на глубину до 150 км от границы, строительства новых военных объектов и дорог. Также добывались сведения о планах командования, грузах, перевозимых с запада на восток, составе и состоянии сил Красной армии и пограничных войск НКВД СССР. При этом японская сторона продолжала снабжать Германию разведданными о военно-экономическом, политическом и стратегическом положении Советского Союза [2, л. 162–167].

За период с 1 января по 8 августа 1945 г. было обезврежено 163 японских шпиона-диверсанта. Если в первом квартале 1945 г. было пресечено 24%

всех акций японской разведки, то во втором квартале 1945 г. – 39%, а в июле – первой декаде августа 1945 г. – 37% [3, л. 2]. Путем проведения войсковых и специально-режимных мероприятий пограничникам Приморского округа в первой половине 1945 г. удалось своевременно обнаружить и ликвидировать вражескую агентуру, в том числе из 309 нарушителей границы было разоблачено 122 японских агента [4, с. 345]. Данная работа способствовала обеспечению конспирации и оперативности при развертывании, передислокации и маневрах советских войск, что в последующем создало эффект внезапности при начале наступления.

Разведка противника активно использовала свои возможности на дальневосточной границе для идеологических диверсий. В советских приграничных районах выявлялась запрещенная к ввозу в СССР литература и контрреволюционные брошюры. В 1943 г. японцы неоднократно пытались распространять на советской территории иллюстрированный журнал «На Востоке», специально разработанный в качестве наглядного агитационного материала и рассчитанный на идеологически неустойчивую часть военнослужащих и жителей советского приграничья с целью склонения их к сотрудничеству и измене Родине [5, с. 155].

Социальная обстановка в приграничье была напряженной и характеризовалась наличием лиц, уклонявшихся от призыва в ряды Красной армии, а также контрабандистов и уголовников, в том числе находящихся в розыске. Японская разведка стремилась использовать данный контингент в своих интересах. Для недопущения поводов со стороны СССР к развязыванию вооруженных провокаций пограничникам давались указания о запрете применения оружия в отношении данной категории лиц, кроме случаев, при которых им оказывалось сопротивление, либо возникала угроза жизни [6, л. 76].

В июле 1945 г. пограничной разведкой НКВД СССР Приморского округа было установлено, что на территории Маньчжурии под руководством офицеров японской погранполиции проходили спецподготовку так называемые «молодежные отряды». Из числа бывших белогвардейцев, китайцев, ороchon, нанайцев, корейцев – японцы формировали боевые отряды, которые планировалось с началом войны использовать в диверсионной деятельности против советских войск. Ороchоны, хорошо знавшие горно-таежную местность, использовались японцами в качестве проводников и при организации охраны японо-маньчжурских оборонительных рубежей [7, л. 1–2].

Воины-пограничники отважно боролись с провокационными действиями японской военщины. Так, 23 октября 1941 г. на участке пограничной заставы «Новая деревня» Хасанского отряда на наряд в составе ефрейтора В. Аникина, рядовых П. Смирнова, В. Виноградова и В. Герасимова было совершено нападение крупной группы японских самураев (50 чел.). Несмотря на численное превосходство, пограничники вырвались из окружения, а нападав-

шие понесли серьезные потери. 28 апреля 1944 г. на участке заставы «Славянка» Хасанского отряда нарядом во главе с младшим сержантом Ф. Дешевым была обезврежена диверсионно-разведывательная группа в составе 3 человек, которая имела при себе огнестрельное оружие с боекомплектами, а также гранаты, радиостанцию, компасы, карты, взрывчатку и большой запас продовольствия [8, л. 102–116].

Умело выполняли задачи по защите Родины пограничники Ханкайского отряда. Только с августа 1941 г. по сентябрь 1943 г. ими было задержано 94 нарушителя границы, большая часть из которых являлась японскими шпионами-диверсантами. Среди отличившихся следует отметить воина-пограничника заставы «Грушевая» В. Ведышева, который 18 августа 1941 г. задержал сразу трех японских агентов, пытавшихся разведать советский оборонительный порядок. 26 июля 1943 г. в результате настойчивых действий наряда заставы «Виноградная» во главе с сержантом А. Синчаловым было организовано преследование группы японских диверсантов (3 чел.), которые, запутывая следы, трижды пересекли рубеж инженерных заграждений, но все же были схвачены [9, л. 160–165].

Таким образом, наблюдалась нескрываемая активизация деятельности японских оккупантов, направленная на дестабилизацию обстановки на советско-маньчжурской границе за счет организации провокаций и диверсионно-разведывательных вылазок, в том числе с привлечением лиц, поддерживающих антисоветскую идеологию.

Существенные изменения в военно-политические планы Японии были внесены лишь в 1944 г., когда советские войска перенесли боевые действия за пределы СССР. В случае необходимости планировалось использовать не только Квантунскую армию, но и личный состав флота – около 1,7 млн. чел., из которых 1,3 млн. чел. дислоцировались в Японии, но могли быть оперативно переброшены в Маньчжурию и Корею. В целом к лету 1945 г. у советских границ была сосредоточена японская группировка численностью свыше 1 млн. чел., а также военная техника в составе: 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 26 кораблей и 1907 самолетов. Японские войска наиболее мощного 1-го фронта (10 пехотных дивизий, моторизованная и отдельная смешанная бригады) были развернуты вдоль границ Приморского округа и располагались на трех оборонительных рубежах: в междуречье Мулинхэ и Муданьцзяна вдоль р. Муданьцзян. Первый рубеж обороны составляли укрепленные районы вдоль границы. 3-й фронт (9 пехотных дивизий, 3 смешанные и 2 танковые бригады) были сосредоточены в центре Маньчжурии – в Улан-Хото (Ваньмао), Шэньяне, Чаньчуне. 4-я отдельная армия (3 пехотные дивизии, 4 смешанные бригады, части усиления и обеспечения) занимала укрепленные районы по периметру Хайлар – Харбин – Хэйхэ. 17-й фронт, размещавшийся на территории Кореи, имел в своем составе до 9 пехотных дивизий. При этом 34-я армия 17-го фронта (2 пехотные дивизии, смешанная бригада, армейские части) дислоцировалась в Корее,

в зоне ожидаемых действий 1-го Дальневосточного фронта. Союзниками Японии в Маньчжурии выступали войска государства Маньчжоу-го (2 пехотные дивизии и 12 пехотных бригад, до 3-х кавалерийских дивизий), армия Внутренней Монголии князя Девана (5 кавалерийских дивизий и 2 кавалерийские бригады), а также Суйюаньская армейская группа в составе 6 пехотных дивизий [10, с. 448].

В течение долгих лет оккупации Маньчжурии японцы усиленно возводили фортификационные сооружения. На границе было подготовлено 17 укрепрайонов, 10 из которых были основными и прикрывали Квантунскую армию со стороны Дальнего Востока (фронт около 900 км), остальные 7 предназначались для защиты важных стратегических направлений и узлов коммуникаций вдоль правого берега Амура, Аргуна и монгольско-китайской границы. В порядке последовательности с юга на север они именовались Кэнхынский, Хуньчуньский, Дунсинчженский, Дуннинский, Пограниченский, Мишаньский, Хутоуский, Жаохэйский, Сунгарийский и Фунзинский [11, л. 62].

Каждый укрепрайон сооружался с учетом характера местности и имел размеры по фронту от 40 до 80 км и глубину от 12 до 25 км. Долговременные оборонительные сооружения (ДОС) строились на протяжении почти 20 лет, а возведение систем сообщения (траншей и ходов) было осуществлено в основном в течение 1944 г. с широким привлечением местного населения. Для решения общей тактической задачи несколько ДОС объединялись в подземные огневые группы, располагавшиеся на одной или нескольких соседних высотах, являвшихся опорно-тактическим ключом к данному району. Большинство подземных объектов имели до 12 бронекуполов, выходящих на поверхность и предназначенных для наблюдения и ведения огня. Многообразие типов и планировок огневых сооружений свидетельствует о том, что японцы отказались от стандартизации при их проектировании. Их форма и вид определялись местностью, что способствовало вписыванию в рельеф и облегчало условия маскировки. Однотипные оборонительные точки встречались как исключение, и то только легкого типа [12, л. 44–48].

Помимо прочего, вдоль границы были построены десятки аэродромов с капитальными ангарами, подземными хранилищами топлива, множеством стратегических дорог, предназначенных для переброски войск к советской границе, разветвленная система связи. В казармах можно было разместить до 60 пехотных дивизий и до 150 госпиталей на 75 тыс. мест. Общая вместимость баз снабжения и складов позволяла хранить одновременно 180–200 дивизионных комплектов боеприпасов и продовольствия. В приграничной полосе располагались командные пункты управления войсками. В районе г. Хутоу в толще горы был оборудован подземный город с сотней всевозможных помещений и огромных складов. Данные сооружения имели практическую значимость лишь при условии продвижения японской армии вглубь советской территории [13, с. 30]. Очевидно,

что для обороны ни одна страна в мире не стала бы создавать таких внушительных складов продовольствия, снаряжения, боеприпасов на расстоянии непосредственной близости от границы с соседним государством. Следовательно, военно-политическое руководство Японии выжидало подходящего момента для нападения на СССР.

Анализируя обстановку в АТР можно констатировать, что в начале 1945 г. в японском обществе росло смещение, а в высших официальных кругах – неуверенность и разногласия. Многие государственные и политические деятели видели безысходность продолжения войны. В новом обращении к народу император Хирохито признавал тяжелое военное положение. Политика премьер-министра В. Койсо вызвала всеобщее недовольство. Некоторые требовали отставки его кабинета и замены альтернативно сильным правительством [14, л. 108–114].

Заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский, который несколько лет курировал Дальний Восток, 15 января 1945 г. представил И. Сталину отчет об англо-американских планах в войне СССР против Японии, в котором обращалось внимание на то, что правительства данных стран занимают весьма сдержанную позицию по этому вопросу. Вместе с тем американские политики выступали с заявлениями по поводу возможного участия Советского Союза в войне против Японии. В китайской прессе постоянно велась агитационная кампания за скорейшее вступление СССР в войну на Дальнем Востоке. Государственные и политические деятели Китая пытались втянуть Советский Союз в боевые действия, а американские журналисты предлагали даже прекратить поставки по ленд-лизу, если СССР не выступит против Японии [15, л. 106–108].

С.А. Лозовский считал, что наступил момент для аннулирования Портсмутского договора со всеми территориальными, политическими и экономическими санкциями, связанными с возвращением Южного Сахалина, Порт-Артура, Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог, а также отмены советско-японских рыболовных конвенций и постановки вопроса о возвращении Курил. Дипломат полагал, что не следовало проявлять поспешность, и рекомендовал пристально наблюдать за развитием событий на Дальнем Востоке. Война в регионе могла продлиться еще значительное время, вследствие чего наступили бы более благоприятные условия для решения спорных вопросов с Японией без использования силовой политики [16, л. 112–115].

И. Сталин и В. Молотов имели другое видение решения проблемы, рассчитывая на активное участие СССР в дальневосточной кампании после разгрома Германии, так как другим путем невозможно было укрепить позиции Советского Союза и расширить его влияние в регионе. На Крымской конференции советская делегация согласилась обсудить вопрос о положении дел на Дальнем Востоке, согласовать условия вступления Советского Союза в коалиционную войну. В подписанном секретном соглашении правительств «Большой тройки» (СССР, США, Вели-

кобритании) предусматривалось вступление в войну с Японией через два–три месяца после капитуляции Германии с удовлетворением территориальных интересов Советского Союза [17, л. 116, 167].

Примечательно, что 28 декабря 1944 г. Комитет по делам Дальнего Востока при госдепартаменте США, изучив статус Курил, сформулировал рекомендации американскому правительству, которые сводились к следующему. Они признавали, что Курильская гряда имеет важное стратегическое значение для СССР, являясь естественным барьером, прикрывающим выход в Охотское море. Для США значение островов определялось географическим положением, потому что они представляли своеобразный перешеек между Японией и Аляской. В этой связи предлагалось оставить южную группу островов за японцами, а над центральной и северной группами установить контроль международной организации с привлечением СССР. Однако, учитывая предполагаемое несогласие советского правительства, Комитет советовал уступить СССР северную и центральную часть Курильских островов как компенсацию за участие в боевых действиях против Японии [18, л. 169–172].

Официальная нота советского правительства о денонсации пакта о нейтралитете (5 апреля 1945 г.) вызвала военную риторику японской стороны. 30 мая 1945 г. Императорская ставка окончательно определила состав Квантунской армии. Ее командующий генерал Отодзо Ямада получил приказ вести подготовку к обороне против советских войск в Маньчжурии и Корее, а также быть готовым отразить высадку американских войск [19, с. 163–164].

1 июня 1945 г. на территории Маньчжурии было введено военное положение, в соответствии с которым провели мобилизацию среди японских резервистов. Призвали около 100 тыс. чел., большая часть из которых прошла обучение в специальных разведшколах, получив знания и навыки по разведывательно-подрывной деятельности. Началось доукомплектование личным составом погранполицейских постов и кордонов, увеличение количества наблюдательных пунктов, с которых велся круглосуточный контроль за советским приграничьем [20, л. 162].

Япония предполагала, что Москва будет требовать возвращения ранее принадлежавших дальневосточных земель, а советские войска смогут перейти в наступление не раньше весны 1946 г. В случае начала боевых действий по «японскому сценарию», Советский Союз был бы вовлечен в длительный и кровопролитный военный конфликт. Данный факт косвенно подтверждается попытками Токио «выторговать» у советских политиков неучастие в войне, склонить к посредничеству в переговорах японской стороны с Вашингтоном и его союзниками в обмен на отказ «... от рыболовных прав в советских водах и добровольное возвращение Южного Сахалина и Курильских островов» [21, с. 81]. Однако руководство СССР не согласилось на сделку, противоречившую договоренностям с союзниками.

Таким образом, принимая единственно верное и обоснованное в правовом отношении решение

о вступлении в войну, советское правительство преследовало гуманные цели: покончить с войной, исключить новые многомиллионные жертвы, вернуть СССР отторгнутые японцами земли, открыть свободный выход в Тихий океан, оказать помощь населению Китая и Кореи в освобождении их суверенных территорий.

В этих условиях Советским Союзом была активизирована подготовка к началу боевых действий. Для руководства советскими войсками к 2 августа 1945 г. был сформирован штаб Главного командования во главе с маршалом Советского Союза А.М. Василевским, членом Военного совета генерал-полковником И.В. Шикиным, начальником штаба генерал-полковником С.П. Ивановым. Одним из заместителей командующего был назначен бывший пограничник, заместитель НКВД по войскам генерал армии И.И. Масленников, который принимал непосредственное участие в разработке плана по разгрому Квантунской группировки [22, л. 211–214].

Сухопутные войска были объединены в три фронта: Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточные; общая численность группировки составляла 1747465 чел., 5171 боевых самолетов, 5250 танков и САУ, 29835 орудий и минометов. Имеющийся контингент должен был разгромить японские войска в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции, замысел которой состоял в том, чтобы нанесением быстрых рассекающих ударов в полосе 5200 км парализовать группировку противника, не дать ему развернуться в боевые порядки и втянуть советские войска в затяжные бои. Поставленную цель планировалось достичь в два этапа: в ходе первого (9–14 августа 1945 г.) ожидался разгром японских войск прикрытия на границе с выходом советских сил на оперативные направления, в ходе второго (15 августа–2 сентября 1945 г.) – ликвидация резервов Квантунской группировки, освобождение административных и экономических центров Маньчжурии [23, л. 247–248].

7 августа 1945 г. советским командованием было принято решение начать боевые действия Дальневосточных фронтов: наземным войскам Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов перейти

государственную границу утром 9 августа, а 2-го Дальневосточного фронта – по усмотрению маршала Советского Союза А.М. Василевского. 8 августа 1945 г. народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым по поводу вступления Советского Союза в войну против Японии официально заявлялось, что «... советское правительство считает данную политику единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от капитуляции» [24, л. 162–163].

Таким образом, сложившаяся к началу Советско-японской войны 1945 г. ситуация характеризовалась сложной военно-политической обстановкой, которая была выражена реальной угрозой национальной безопасности СССР, связанной с наличием у границ Маньчжурии хорошо обустроенного полноценного комплекса инженерных сооружений, предназначенных по функциональным возможностям для ведения наступательных действий, а также значительных по боевым возможностям сил Квантунской армии.

Верховный главнокомандующий Советского Союза И. Сталин понимал, что помимо сложностей, связанных с переброской большого контингента войск с западных на восточные рубежи, перед ним стояла проблема политико-идеологического и психологического обеспечения готовности страдавшего уже в течение долгих четырех лет от тягостной войны народа поддержать вступление в войну с Японией и добиться в ней решительной победы. Очевидно, что пока на Дальнем Востоке продолжал существовать очаг потенциальной агрессии, руководство СССР не могло считать безопасность страны полностью обеспеченной. Антисоветская риторика официального Токио, сформированная за многие годы, выраженная в провокациях на советско-маньчжурской границе, оказании политической и экономической помощи гитлеровской Германии, не оставила выбора при принятии Москвой решения о начале Советско-японской войны.

Литература и источник

1. Центральный пограничный архив ФСБ РФ (г. Пушкино, далее – ЦПА ФСБ РФ). Фонд 87. Опись 1. Единица хранения 510.
2. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 131.
3. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Ед. хр. 232.
4. Сечкин Г.П. Советские пограничные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и возможные их действия в современных операциях. М.: Воениздат, 1976. 584 с.
5. Смирнов А.Г. Тихоокеанский рубеж. Владивосток: Русский остров, 2006. 332 с.
6. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 213.
7. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Ед. хр. 232.
8. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 1010.
9. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 220. Оп. 1. Ед. хр. 232.
10. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: в 3 т. М.: Воениздат, 1963. Т. 3 526 с.
11. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 231. Оп. 1. Ед. хр. 1010.
12. ЦПА ФСБ РФ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 202.

13. Шикин И.В., Сапожников Б.Г. Подвиг на дальневосточных рубежах. М.: Воениздат, 1975. 214 с.
14. Архив внешней политики Российской Федерации (г. Москва, далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 7. Папка 54. Д. 891.
15. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891.
16. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891.
17. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891.
18. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891.
19. Сабуро Хаяси. Японская армия в военных действиях на Тихом океане. Пер. с японского. М.: Воениздат, 1964. – 174 с.
20. ЦПАФСБ РФ. Ф. 90. Оп. 1. Ед. хр. 213.
21. Араи Сигэру. Вторая мировая война – отправной пункт послевоенной мировой истории. Пер. с японского. Токио, 1973. 184 с.
22. Центральный архив Министерства обороны РФ (г. Подольск, далее – ЦА МО РФ). Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13.
23. ЦА МО РФ. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 13.
24. ЦА МО РФ. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 39.

References

1. Tsentral'nyy pogranchnyy arkhiv FSB RF [The central boundary archive FSB Russian Federation] Pushkino, dalee [further] – TsPA FSB RF [TsPA FSB Russian Federation]. Fond [Fund] 87. Opis' [Inventory] 1. Edinitsakhreneniya [Unit of storage] 510.
2. TsPA FSB RF [TsPA FSB Russian Federation]. F. 231. Op. [In.] 1. Ed. kh. [Un.] 131.
3. TsPA FSB RF [TsPA FSB Russian Federation]. F. 220. Op. [In.] 1. Ed. kh. [Un.] 232.
4. Sechkin G.P. Sovetskie pogranchnye voiska v Velikoi Otechestvennoi voine 1941-1945 i vozmozhnye ikh deistviya v sovremennykh operatsiyakh [The Soviet border troops in the Great Patriotic War of 1941-1945 and their possible actions in modern operations]. Moscow: Voenizdat Publ., 1976. 584 p.
5. Smirnov A.G. Tikhookeanskii rubezh [Pacific boundary]. – Vladivostok: Russkii ostrov Publ., 2006. – 332 p.
6. TsPA FSB RF [TsPA FSB Russian Federation]. F. 90. Op. [In.] 1. Ed. kh. [Un.] 213.
7. TsPA FSB RF [TsPA FSB Russian Federation]. F. 220. Op. [In.] 1. Ed. kh. [Un.] 232.
8. TsPA FSB RF [TsPA FSB Russian Federation]. F. 231. Op. [In.] 1. Ed. kh. [Un.] 1010.
9. TsPA FSB RF [TsPA FSB Russian Federation]. F. 220. Op. [In.] 1. Ed. kh. [Un.] 232.
10. Istoriya Velikoi Otechestvennoi voiny Sovetskogo Soyuz 1941-1945 [History of the Great Patriotic War of the Soviet Union of 1941-1945]: v 3 t. – Moscow: Voenizdat Publ., 1963. T. 3. 526 p.
11. TsPA FSB RF [TsPA FSB Russian Federation]. F. 231. Op. [In.] 1. Ed. kh. [Un.] 1010.
12. TsPA FSB RF [TsPA FSB Russian Federation]. F. 92. Op. [In.] 1. Ed. kh. [Un.] 202.
13. Shikin I.V., Sapozhnikov B.G. Podvig na dal'nevostochnykh rubezhakh [Feat at Far East boundaries]. – Moscow: Voenizdat Publ., 1975. – 214 p.
14. Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii [Archive of foreign policy of the Russian Federation] – Moscow, dalee [further] – AVP RF [AVP Russian Federation]. Fond [Fund] 06. Opis' [Inventory] 7. Papka [Folder] 54. Delo [Case] 891.
15. AVP RF [AVP Russian Federation]. F. 06. Op. [In.] 7. P. [F.] 54. D. [C.] 891.
16. AVP RF [AVP Russian Federation]. F. 06. Op. [In.] 7. P. [F.] 54. D. [C.] 891.
17. AVP RF [AVP Russian Federation]. F. 06. Op. [In.] 7. P. [F.] 54. D. [C.] 891.
18. AVP RF [AVP Russian Federation]. F. 06. Op. [In.] 7. P. [F.] 54. D. [C.] 891.
19. Saburo Khayasi. Yaponskaya armiya v voennykh deistviyakh na Tikhom okeane [The Japanese army in military operations on the Pacific Ocean]. Per. s yaponskogo [translation from Japanese]. Moscow: Voenizdat Publ., 1964. 174 p.
20. TsPA FSB RF [TsPA FSB Russian Federation]. F. 90. Op. [In.] 1. Ed. kh. [Un.] 213.
21. Arai Cigeru. Vtoraya mirovaya voina – otpravnoi punkt poslevoennoi mirovoi istorii [World War II – a starting point for post-war world history]. Per. s yaponskogo [translation from Japanese]. Tokio Publ., 1973. 184 p.
22. Tsentral'nyy arkhiv Ministerstva oborony RF [The central archive of the Ministry of Defence of the Russian Federation] – Podolsk, dalee [further] – TsA MO RF [TsA MO Russian Federation]. Fond [Fund] 132-A. Opis' [Inventory] 2642. Delo [Case] 13.
23. TsA MO RF [TsA MO Russian Federation]. F. 132-A. Op. [In.] 2642. D. [C.] 13.
24. TsA MO RF [TsA MO Russian Federation]. F. 132-A. Op. [In.] 2642. D. [C.] 39.